

Так, применительно к кельтским языкам можно отметить, что формирование претерита в древневаллийском могло идти аналитически путем сложения основы претерита спрягаемого глагола с глаголом «быть» (-*pwyt*), стоящим в постпозиции: *aeth-pwyt* «хожено было», *gwnaeth-pwyt* «сделано было» [6, с. 366] или «в хождении было» и «в делании было», что напоминает баскские образования с переходным «быть» в настоящем времени *ikusten da* «в видении есть», *esaten da* «в говорении есть», которые также являются не пассивными, а безлично-активными. При исследовании подобных баскско-кельтских соответствий может быть отмечено также и то, что кельтские непереходные глаголы, употребляемые как безличные, имеют страдательные (Х. Педерсен) формы и часто употребляются в бриттских языках с отглагольными существительными, которые соответствуют инфинитивам в других индоевропейских языках (ср.-валл. у *gellir dywedut* «может быть сказано»; у *neb* у *dyfyn* у *kumryt* «кто бы ни был взят» [6, с. 367]), подобно «пассивным» моделям баскских безличных форм, так состоящих из отглагольных существительных в местном падеже. При этом немаловажным представляется и то, что в кельтских языках и в баскском в принципе невозможны образования, соответствующие индоевропейским возвратным пассивным конструкциям, так как возвратность в баскском и кельтских языках морфологически не выражается. В ирландском переходные глаголы имеют тенденцию к безличному употреблению: *goftar ní-m-irchóí nach géin lib-sí* «я знаю, что не задержусь с вами надолго», букв. «что меня не задержит». На более поздней стадии возникла личная конструкция, глагол превратился в непереходный, и первоначальное прямое дополнение стало подлежащим: *ro lá i socht mor inti Mac Dathó* «Мак Дато погрузился в глубокое молчание» (первоначально — «его повергло в глубокое молчание») [6, с. 323]. В баскском идея возвратности передается не пассивной, а особой активной конструкцией, которая вводится лексическим словосочетанием *bege burua* «свою голову» (=себя). Если бы баскский «пассив» был действительно пассивом, он бы не мог употребляться вместо рефлексива [14, с. 14].

Предполагаемое нами баскско-кельтское синтаксическое соответствие использования активных личных и безличных конструкций в тех случаях, когда в индоевропейских языках употребляются пассивные образования (образуемые возвратно или сочетаниями глагола с семантикой «быть» и причастий прошедшего времени), может дополнить имеющийся список установленных на синтаксическом уровне параллелей, уже ставший достоянием современной типологии [42, с. 99; 43, с. 72].

Тенденция к употреблению безличных (равно как и личных) активных конструкций вместо пассивных, отмечаемая для иберо-романских языков, по-видимому, также может быть рассмотрена как один из реликтов более раннего языкового состояния в современных номинативных языках. В отдельных работах уже отмечалось, что так называемая *pasiva refleja* в испанском: *Las casas se venden — se vende(n) casas* — содержит типологическую параллель эргативности [23, с. 98]. Круг вопросов, связанный со статусом этой конструкции, до сих пор вызывает оживленную дискуссию в испанистике. В наибольшей мере это относится к несогласованным моделям типа *se vende casas* (К. Гомес Молина, О. П. Отеро, М. К. Бобес Навес, А. Г. Лосано, Н. Картахена, И. Шротен, Ф. В. Ходкрофт, И. Ларошет, Ф. Ласаро Карретер, Д. Хайман и мн. др.).

Заслуживает внимания и предположение, что любые действия, осуществляемые в рамках медиальных (возвратных) конструкций (ср. *Juan se levanta*), всегда можно интерпретировать как переходные [2, с. 40]. Это перекликается с мнением Э. Аларкоса Льюрака о том, что с точки зрения функциональной в испанском редко можно встретить полностью переходные или непереходные глаголы. Ср. *vivir in Zaragoza* (неперех.) «жить в Сарагосе» и *vivir su vida* (перех.) «жить своей жизнью» [32, с. 109]. Возможно, на сходство с медиум указывают и случаи текучести границ